

Услышав знакомый голос, Виола тут же бросилась в объятия Оды Сакуносукэ.

Два кроличьих ушка на шляпе забавно качнулись.

Она была похожа на маленького цыпленка, который, наконец-то увидев наседку, нахохлился и стремглав уткнулся ей в грудь.

Виола не могла в это поверить.

Она... она линяла...

Она так испугалась этого сгустка черной грязи, что у нее полезли перья.

Если говорить о перьях, то на самом деле это были вовсе не настоящие перья, а высвободившаяся энергия, которую она не смогла удержать внутри. А поскольку родословная [Ангела] временно взяла верх, эта утекающая энергия материализовалась в виде перьев.

Грубо говоря, это можно было сравнить... с пушистым цыпленком, до смерти перепуганным и поднявшим перья дыбом, или с человеческим малышом, которого от испуга начала одолевая икота.

Это же так, так постыдно!

Правда, ужасно стыдно. Хотя она потеряла память и даже не помнила, сколько ей лет, Виола всегда считала себя зрелой и рассудительной.

И вдруг вот так запросто испугалась до потери шерсти!

В этот момент Виоле хотелось лишь закрыть лицо руками.

— Ой, Ода Саку!

Ода Саку поспешно обнял девочку и неодобрительно посмотрел на Дадзая. Он положил свою большую руку ей на голову и с терпеливой лаской принялся гладить её по волосам, особенно усердно ероша хохолок на макушке.

— Я просто поздоровался с маленькой барышней, — произнес Осаму Дадзай. Лицо Виолы было плотно прижато к плечу Оды Сакуносукэ, а тот мерными движениями гладил её по волосам. Постепенно девочка расслабилась, шмыгнула носом и произнесла глухим голосом:

— Разве так здороваются?

Только Осаму Дадзай приоткрыл рот, как встретился взглядом с тяжелым, отеческим взглядом Оды.

Он тут же захлопнул рот, проглотил готовые сорваться с языка слова и изобразил невинную, послушную улыбку.

— Здороваются не так, Дадзай, — произнес Ода Сакуносукэ.

— Меня никто не учил, как надо здороваться, — ответил Осаму Дадзай.

От этой его будничной фразы Ода мгновенно лишился дар речи.

Ода Сакуносукэ тут же осознал, что для Дадзая основными способами приветствия были лишь едкая ирония, провокации и выстрелы из пистолета.

Законы выживания мафии не предусматривают доброты и дружелюбия.

В мире мафии нет ни детства, ни малышей.

Ведь малыши там тоже умеют убивать.

Бдительность, расчет и жестокий выбор пропитывали каждые человеческие отношения.

Дадзай усвоил лишь эти вещи.

Ода с бесконечной горечью посмотрел на Дадзая.

Он всегда считал, что смог подружиться с этим ребенком по той причине, что никогда не приближался к нему слишком близко, но и не отталкивал.

Ему казалось, что именно такая дистанция лучше всего подходит этому ребенку.

Но...

В этот момент подобная мысль пошатнулась.

Учитель Нянко с критическим видом окинул взглядом Осаму Дадзая. О прошлом Осаму Дадзая учитель Нацумэ знал во всех подробностях.

Многие утверждали, что тот родился мафиози, однако учитель Нацумэ с этим мнением не соглашался.

Но... человек живёт лишь затем, чтобы обрести для себя спасение.

Он желал отыскать что-то в темноте — таков был его выбор.

В молодости его ученик Мори Огай был очень похож на Дадзая: они оба пытались что-то отыскать. Мори Огай нашёл — он отыскал крупицу света в темноте.

Поэтому учитель Нацумэ никогда не вмешивался в то, как Мори Огай воспитывает своего подопечного.

Однако теперь казалось...

Где-то в полицейском участке некто господин Мори в очередной раз чихнул, чувствуя, как по спине пробегают мурашки.

Ода Сакуносукэ произнёс:

— Дадзай, нельзя просто так трогать волосы девочек.

За короткое время Ода Сакуносукэ передумал о многом, но в конце концов вернулся к главной насущной проблеме:

— Дадзай, тебе стоит извиниться перед Ай-чан.

Услышав это предложение, Осаму Дадзай слегка замер.

Извинения младших перед старшими — вещь привычная, настолько обыденная, что кажется само собой разумеющейся.

В детстве он намеренно портил какие-то незначительные мелочи, а когда взрослые начинали его отчитывать, извинялся с капризным, детским видом. Взрослые быстро прощали его. Пусть они, возможно, и не любили слишком умных, проницательных детей, но неизменно испытывали умиление к тем, кто немного оплошал и нуждался в наставлении. Их жажда учительствовать и потребность в авторитете удовлетворялись, и они становились ещё снисходительнее. Благодаря этому он мог творить ещё больше дерзких, но дававших ему свободу дел.

Заставить старшего извиняться перед младшим.

И правда... это в стиле Ода Сакуносукэ, такое могло прийти в голову только ему.

Подумал Осаму Дадзай.

Он некоторое время пристально смотрел на пушистый затылок Виолы — и впрямь похожа на вымокшего под дождём цыплёнка.

Ода Сакуносукэ — отличная наседка.

Осаму Дадзай улыбнулся:

— Хорошо.

Он принялся шарить по карманам, но те были совершенно пусты; даже если там что-то и лежало раньше, всё давно смыло водой.

Тогда его глаза лукаво блеснули, он наклонился и сорвал у реки дикий цветок.

Маленький белоснежный цветок — белая фиалка, чьи семена неизвестно откуда залетели с клумбы или из сада и проросли прямо здесь.

— Держи, юная мисс, — Осаму Дадзай согнулся в полупоклоне.

Виола осторожно выглянула из объятий Ода Сакуносукэ.

Этот паразит из чёрной грязи по-прежнему выглядел сущим демоном.

В его карих с зеленцой глазах словно бурлило что-то неясное.

Жизненный опыт Виолы был невелик, и она не сразу нашла слова, чтобы описать его душу в этот миг.

Она заворуженно смотрела на него.

<http://bllate.org/book/21113/2142583>